

В ранголубые сегодняшней армянской живописи трудно услышать какую-нибудь объединяющую тенденцию развития. В ряду самостоятельных творческих исканий можно уловить разные, а подчас и враждебные между собой направления и стили. Более того, интересно наблюдать, как они сосуществуют в творчестве одного художника. Такова живопись Арама ИСАБЕКЯНА, выставка работ которого открылась в Национальной картинной галерее Армении.

СЕРИИ К ПОРТРЕТУ

В искусстве Исабека на уживаются и традиционный реализм, и влечение к новому, авангардному, и возврат к прошлому, когда работы приобретают оттенок "музейной" сделанности. Но при всей многоаспектности его творчества художник никогда не отступает от реализма, истолкованного по самой широкой шкале его признаков.

... Как известно, легких путей в искусстве нет, это определено самой сложностью реальной жизни. В случае Арама к известным трудностям прибавляется еще одна — постоянная привязанность к имени отца, Эдуарда Исабека — одного из патриархов и классиков армянской живописи с его порывистым, романтическим, необузданным притязанием жизни, воспитавшим не одно поколение студентов института, ректором которого сегодня является сын.

Арам рос, окруженный работами отца и, казалось бы, должен был смотреть на мир его глазами. И не потому, что творческая воля Исабека — старшего была слишком сильна, а потому, что эта живопись для Арама была средой, в которой он жил, дышал и развивался. Так что было бы естественно, если

ОБОБЩАЯ ЗАГАДОЧНЫЙ МИР

бы сын пошел по пути романтического бунтарства.

Но получилось иначе. Взаимоотношение отцов и детей — вечная проблема, в основе которой лежит история конкретной эпохи с ее стремительными изменениями, нарастающими завоеваниями, но также и неизбежными утратами. Развитие это идет неравномерно и непоследовательно, но связь времен не прерывается. Как и отец, Арам Исабекян испытывает тяготение к реальной жизни, но при этом нащупывает свой вариант видения и склонность к неспешному, исполненному зоркой наблюдательности раздумью. К драматизированному, мужественному, даже жесткому языку он пришел позже. Его занимает предметная природа вещей, не расплывчатая-обобщенная, а конкретная, весомая, фактурная.

Натюрморты Арама Исабека увидены как бы глазами взрослеющего ребенка, обладающего повышенной чувствительностью и впечатлительностью. Изображаемые предметы скрывают какой-то тайный смысл, не связанный с их функциональной ролью. За-

гадочная, волнующая, притягательная власть вещей заставляет художника неумоимо изучать, переносить на полотно их форму, шлифовать поверхность, пока она не засверкает, не засверкает как драгоценность. Сосуды стеклянные, керамические, из металла, прочие декоративные вещи, обычные и экзотические — рассматриваются художником терпеливо и с наслаждением.

Он как бы растягивает удовольствие, наблюдая, как сквозь них проходит преломляясь свет, как они, отступая в тень, приобретают новое качество... Араму Исабекаму не откажешь в академическом мастерстве, в искусстве выписывать форму. Пользуясь этим преимуществом, художник вновь и вновь обращается к любимым предметам, расставляя и освещая их по-разному, стремясь проникнуть в тайну их обаяния и значимости. И ему это в значительной мере удается.

В натюрмортах такого стиля вроде бы проявляется безучастность автора к современной жизни. Но это впечатление поверхностное. Арам Исабекян, каждый раз обращаясь к предмету в натюрморте, пытается вывести его из изоляции, за пределы единичного, втянуть в общий поток нашего бытия. В таком подходе есть момент сознательного эстетского любования, но признаемся, что это порой скрашивает сегодняшнюю, унылую и безжалостную расчетливость наших будней, а потому необходимо.

В портретах Арама Исабека проявляет неподдельный интерес к традициям ренессансного искусства. Он пишет родных и друзей. Друзья на портретах кажутся героями неведомых, забытых новелл, принадлежащими к благородным кругам некоего общества, отгороженными от остальных привилегиями своего дарования, интересов и духовных запросов — явная оглядка на образы эпохи

Многих современных армянских художников увлекла магия мира, созданного искусством Гарзу, где затронуту соотношению "большого" и "малого" времени, где живут герои вымышленные, язычески прекрасные и по-рыцарски элегантные. Гул этой таинственной темы ощущается и в серии работ А.Исабека, он находит в ней свои оттенки, прибавляет ей черты мрачного абстрактно-романтического бунта. Мир этот ограничен тесным интерьером и двумя персонажами, находящимися в постоянном состоянии войны. Там назревает драма победителя и побежденного. Нам неясен смысл этой игры, но в механических движениях персонажей мы ощущаем неизбежность смертельного исхода. Герои выходят один на один, они написаны рукой жесткой, сухой, наделены колющим силуэтом, облачены в железные доспехи, скрывающие даже их лица. В автоматизме их движений — выразительный прием, стимулирующий мысль на вполне определенные догадки.

А напрашивается единственная объединяющая эту серию работ мысль о том, что косные силы бытия оказываются подчас более могучими, и человек изнемогает в борении с ними. Стилизация Гарзу здесь наполнилась иным содержанием, и в итоге — романтический бунт, как это, казалось, было сначала, выглядит не таким уж и абстрактным.

Столь же конкретен и смысл большего полотна, где изображен добротный каменный дом, по фасаду которого проходит глубокая, как рана, трещина. Это ли не реальное состояние нашего существования, выраженного с впечатляющей силой и без произвольных ассоциаций?

Марина СТЕПАНЯН

Возрождения. Они кажутся независимыми от повседневных житейских нужд, они выше их...

5-10-1998